

Annotation

Что я вспомню, когда буду умирать?
Бог вещь. Где мои корни? В Евангелии. Кто моя любовь? Иисус и жена Ирина. Звезды над моей душой устоялись. Но какой груз внутри, под палубой ее, в темноте? Где священная земля, на которой выросло то, что я есть? В Москве, наверное....

- [Дмитрий Володихин](#)

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке](#)

RoyalLib.ru

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Дмитрий Володихин

Маленькая родина

Я много раз слышал выражение: «малая родина». Очень уж оно неласковое. Лучше говорить «маленькая родина». Выходит и нежнее, и правдивее. Она, эта самая маленькая родина, встроена в сердцевину личности. Назвать ее, значит объяснить себя.

Что я вспомню, когда буду умирать? Бог весть. Где мои корни? В Евангелии. Кто моя любовь? Иисус и жена Ирина. Звезды над моей душой устоялись. Но какой груз внутри, под палубой ее, в темноте?

Где священная земля, на которой выросло то, что я есть? В Москве, наверное.

Впрочем, сказать «в Москве» – ничего не сказать.

Я сделан в СССР. Все верхние этажи моей личности пришлось медленно, но верно перестраивать, меняя знак пятиконечной звезды, всюду проставленный, на знак креста. Но нижние этажи перестроить невозможно. Что есть, то есть. И, пожалуй, не стоит рушить: там ведь неплохой, прочный фундамент, к чему расковыривать его? Мне лишь хотелось бы знать, где его краеугольные камни, что они такое, чему суждено остаться, если

некто произведет со мной злой эксперимент и вырежет из моей памяти все до самого основания. Вот задача: увидеть *самое основание*, назвать его, почувствовать его.

* * *

Я помню много добрых мест. Деревянный домик бабы Пани – моей родни по линии матери – недалеко от железнодорожной станции Баковка в Московской области. Грядки с зеленью и клубникой, дубовая роща, величаво возвышавшаяся над помойками, сельская плотина и речушка-

малютка, спеленутая болотцами, косыми дачными заборами, дощатыми мостками, сараюшками, мелкой ржавью, там и сям торчащей из воды... Огромный деревянный барак, сто лет ему в обед, изображал в пору моего детства вокзал, за ним торговали всякой мелочью, например, керосином для старых ламп и для кухонной горелки, заменявшей тогда газовую плиту, да еще мармеладом в форме зверюшек.

Перед станцией собралась в кучку вся поселковая культура. Кирпичная двухэтажная аптека: там в летние месяцы всегда бывало прохладно, а в воздухе висел угрожающе-резкий травяной запах, я

никогда не чуял его в других аптеках... Нарядный ларек «Союзпечать» работал по неведомому графику, а потом и вовсе опустел, зачах. Неопрятным, бесшабашным «Продтоварам» противостояли через улицу приземистые, но горделивые «Культтовары». Бабульки, затевавшие вечерами покартежничать, наизусть знали, какое пятно на какой девятке, и какой угол у какой дамы оторван. Время от времени они намеревались идти в «Культтовары» за очередной колодой, да все откладывали. Голосистые, языкатые, любили они детвору и норовили кого-нибудь из

нас ухватить за плечо, потрепать за ухо, пригладить волосы и при этом довольно взгыгыкнуть: ова, мол, бродят! а! бродят, видишь ты... мелочь пузатая! Каждая бабулька – характер. Самая тихая и какая-то кроткая, не от мира сего, была как раз моя баба Паня. Она спокойным своим нравом гасила взбрыки товарок.

Трудолюбивый и независимый человек, баба Паня не любила лишнего шума. Другая бабулька, тощая, задиристая коза, вечно совалась в чужие карты, а когда ее подглядывание встречало отпор, заливалась мелким обидным хохотком: «А што я? Да ништо я. Да иди ты. Да отстань ты. Лучче вон

ходи давай!» Могла сказануть и что-нибудь въедливое. Зуб у нее был, вроде бы, золотой, улыбалась она криво, но очень заразительно, и всем своим видом вызывала мысли о шпане, то ли, может быть, о хитрых вороватых цыганах. Третья бабулька — поосанистей, черноволосая, раскосая, из татарвы, смеялась всем телам, тяжкие складки колыхались, голос извлекал из старушечьего нутра бульканья и переливы. Эта отличалась хитростью, выигрывала она, кажется, больше всех, и за это ее любили и уважали меньше всех. Татаровистая обожала пропустить о ком-нибудь сплетенку посолонее, а рассказав, подмигнуть: вона я чего

знаю! Наконец, четвертая, немногословная, суровая, старше прочих. Совиное у нее было лицо, тяжкое, расточенное морщинами во всех направлениях. Глядела четвертая бабулька исподлобья, шуточки и сплетенки не уважала, проигрыш и выигрыш принимала равнодушно. Говорила она реже остальных, но раскрыв рот, могла припечатать основательно и резко. Ее чуть побаивались и уважали. Ходила совиноликая с клюкой, медленно, с трудом переставляя тумбы отекавших ног. Тогда я не понимал этого, не мог понять, но вспоминая ту пору, теперь скажу с уверенностью: печать близкой

смерти давала ей незримую власть над остальными... А впрочем, многолетний их подкидной или, если наскучит, переводной, хлесткие падения карт на серый от времени деревянный столик во дворе, бульканье татарки, хохот козы, суровые взоры совиноликой, негромкий правильный говорок бабы Пани – ничего злого и темного в себе не несли. Жизнь обошлась с бабульками по-разному, но без особой ласки; наверное, прежде, годков с полста назад, могли бы они стать соперницами, а теперь дряхлость урядила их гоноры, посадила их рядом и мудро устроила маленький мирок. «Бабульник»

заражал тупичок из четырех-пяти домов тихой веселостью и даже азартом. Он неведомым образом упорядочивал местную жизнь, подвязывая к ней ребяtiny, заезжих взрослых, соседских алкоголиков, неудачливых погорельцев, хорошую колбасу, каковую продавали на Сетуни, хвори, свадьбы, ремонты, расписание электричек и грядущие праздники...

Вероятно, с тех пор я чувствую тягу к местам тихим, к покою, к деревьям над головой, к маленьким домикам. Я мегаполисный житель и к гигантскому вареву городской суеты привык. Роение толп нимало не стесняет меня. Напротив, на

пустынных улочках райцентров я чувствую себя несколько не в своей тарелке... Но Тихое Место давным-давно пленило мою душу, мне кажется, что покой выше, правильнее, что там следовало бы укрыться от неуютной нашей жизни с ее некрасивыми угрозами и ненужными волнениями. Скорее всего, на старости лет я отыщу свою Баковку...

Я вырос в то время, когда большие города расширялись слишком быстро, да и забрали себе слишком много власти. Жизнь наша не тиха. И в этом заключается ее внутренняя болезнь, медленно подтачивающая силы общества.

Хаотическое беспокойство мегаполиса запросто превращает человека в нервное, раздраженное, издерганное существо. Большой город всегда недобр. Но я хотя бы знаю, куда бежать, я знаю, что вообще бежать можно и нужно. Пусть ненадолго. Состояться можно только в мегаполисе, иначе в наши дни не бывает. Однако время от времени следует покидать эту среду и лечиться от нее.

* * *

Еще я помню бесконечные кавказские заставы и военные

городки, где прошла солидная часть моего детства. Гильзы, газики, стрельбы, огромные овчарки, дозорные вышки, грибы синявки, и впрямь жутковато синевшие на изломе, но вполне съедобные, грибы берестянки — точь-в-точь поганое семя, но по вкусу напоминавшие курятину, плацы, часовые с автоматами... почему каждый третий из них спешил поведать мне, что некий прапорщик Вдовченко — гнида? Часовым, как я потом узнал, запрещено болтать на посту, но прапорщицкие свойства волновали многих и всерьез. Особенно мне запомнилась 16-я застава в маленьком южном городе Туапсе.

Она стояла на горке, и вела к ней витая улица, а выше, еще за парой поворотов, в память о войне поставлена была старая зеленая пушка, наверное, зенитная. Пушка меня тогда очень занимала. При входе на заставу росла алыча, в положенный срок осыпавшая землю крупными желтыми каплями. За алычей простирался плац, расписанный белыми линиями для строевых упражнений, тут же, рядышком – турник, брусья и прочая спортивная прелесть, поставленная на мощный слой опилок. В опилках заводились жуки, и, Боже мой, как прелесть была, изловить бронзовку или темно-синюю прекрасную

жужелицу, или даже царственного жука-носорога! Теплыми летними ночами над плацем носились светлячки, а мы, внизу, со всей прытью бегали за маленькими огоньками. Отчего они, крохотные мерзавцы, так редко давались в руки? С одной стороны плаца были склады, обсаженные каштанами и кипарисами, с другой — унылая двухэтажная казарма, с третьей — двойной ряд тополей, в ветвях которых упоительно верещали цикады. Одну я поймал, и мне все завидовали. На углу стояли маленькие офицерские домики. Мы, например, жили в бывшей конюшне, пол там был, кажется, каменный, а

перед окном жила в будке сердитая, но нешумная псина охотничьей породы. За тополями – автопарк, боксы с грузовиками, обшарпанный туалет, стены которого украшены были закорючками и страшноватыми узорами, оставленными – Бог весть как! – насекомыми. Еще в автопарке была мойка и столы для разборки-сборки автоматов. Оружие с детства оказалось столь близким, что впоследствии я не испытывал от него никакого мальчишеского трепета и восторга. Автомат – штука для патронов и стрельбы, ничего волшебного... Рядом с боксами жил легендарный Вдовченко с семьей и всякого рода скотиной. Не помню

его жену, зато помню дочь Галю, темноволосую, с черными вишнями глаз, очень серьезную. Кроме жены и Гали прапорщик обзавелся курями, и наглый петел, гуляя по двору, неизменно норовил тюкнуть зазевавшегося недотепу в ногу. С особой страстью клювачий гад охотился за женщинами, — их-то икры и щиколотки не были укрыты форменными штанами и сапогами... Курей охранял серый цепной барбос, злой и способный к оглушительному залиvistому лаю. Барбос напоминал старое мочало, из нижней челюсти его росла бесформенная клочковатая борода, придававшая морде нечто козлиное. Фирменный лай барбос

неизменно предварял устрашающим хрюканьем, будто оперный певец, за минуту до выхода на сцену пожелавший одновременно прочистить нос и горло. Полагаю, такое животное вполне могло самозародиться в картофельных очистках. Некоторые шутники сравнивали характер барбоса с характером прапорщика, находя множество сходных черт...

От парка вверх, к зарослям ежевики вела маленькая тропинка, и у самых ежевичных кустов лежала старая лодка. Уж и не знаю, кто ее туда и зачем приволок – так далеко от моря.

У торца казармы неведомый

военный архитектор воздвиг
небольшой обелиск с советским
гербом. Точнее, не обелиск, а... не
знаю, как правильно назвать.
Каменная штука о четырех углах: два
внизу, там, где камень входит в
асфальт, а два вверху, они
поставлены косо: один выше другого.
Не знаю, что символизирует эта
фигура, — то ли знамя, то ли пламя,
но, по идее, тут располагалось
торжественное место заставы. Рядом
— металлическая штанга с
флагоподъемником. Родители не
преминули сфотографировать меня у
obeliska с игрушечным автоматиком
в руках. Сбоку от меня на
фотографии — препротивная

девчонка. Звали ее Аленкой, а больше я о ней ничего не помню.

Этот военный мирок – от алычи до старой лодки – я очень любил и до сих пор вспоминаю его с радостью. Отец, офицер-пограничник, вытащил меня в Туапсе на дозорную вышку. Он же где-то в тех местах научил меня плавать. Сначала с ластами, а потом просто так... Отец вообще выделялся фигурой титанической. Он лазал по горам с парнями в зеленых фуражках, ловил нарушителей, командовал солдатами на учениях и даже получил там, при каком-то неудачном взрыве, осколок в руку. Словом, героическая личность. Сейчас, когда прошло

столько лет, взгляд, брошенный назад, картину эту не портит. И впрямь, отец, как минимум, служил честно, себя не жалел и бойцами не помыкал.

Я знаю жизнь военных городков изнутри, а в 87–89 годах и сам служил срочную. Грязи и глупости мне там встретилось – ковшом не вычерпать. Но бытие было упорядочено на свой армейский манер, людей умных, добрых, знающих свое дело хватало, да и работала милитарная машина как надо, она была готова при необходимости дать сдачи басурману. Я жил в СССР в так называемую «застойную эпоху», во

времена «поздней империи». Была ли она средоточием тупости, нетерпимости, безделья, уголовщины, очередей, солдафонщины? Да и нет. Советский средний класс жил небогато, но комфортно. Очень многое искупал дух компанейства, все были для всех своими, враждебность не витала в воздухе. И еще одно. Ощущение страшное, неприятное, но оно, вернее всего, соответствует правде факта: кажется, люди знали больше, с ними было о чем поговорить. Эпоха умных разговоров давно минула, теперь и следов ее не сыскать, общение стало проще, прагматичнее... тупее. Культ книги

пропал в конце 90-х. Катастрофы в этом нет, возможно, он принял несколько гипертрофированное обличье в последние советские десятилетия. Хуже другое: культ видео, мультимедиа и ТВ оказался безобразнее, идиотичнее. И он не плодит умных людей, скорее, напротив.

Разумеется, у всех в котятчестве вода была водянистее, масло маслянистее, а дерево деревяннее. Я не исключение. Да, дерево было определено деревяннее, куда нынешнему дереву до того! Сделав такую оговорку, все-таки скажу: да почиет Союз в мире. Уютная была колыбель. В 70-х – 80-х, если только

не раньше, СССР дожил до состояния довольно сносного жилья. Относительно благоустроился. И только-только это произошло, как грянул 91-й год. Обидно. Наверное, не позднему Союзу высшие силы вынесли приговор, не столь уж он был плох. Просто в годы с 17-го по 41-й моя земля отяжелела от проклятий и беззакония; последующие десятилетия добавляли в страшную копилку понемногу, тьма прибывала медленно; но еще в «былинных» 30-х «выбран» был слишком большой объем, до критической массы оставалось совсем чуть-чуть. В 91-м капнули последние капельки, и небесный

счет переполнился. Грехи прадедов пали в жизни земной на головы правнуков... Ничего политического я не вижу в крахе советской империи, одну только мистику. Что ж, если захотел так Господь, значит, в крушении страны моего детства было милосердие и благо, была справедливость и забота. Следует и за это благодарить Его.

Как знать, не сыграла ли трагедия 91-го роль меньшего зла? Россия хлебнула разора и предательства, но не уберег ли ее Высший Судия от судьбы еще горшей?

Однако истинная моя маленькая родина — не южные заставы, а Москва. И я точно знаю, в каком кусочке Города бросило якорь мое сердце.

Это дворик, принадлежащий дому 34 по Хорошевскому шоссе, — как домен принадлежит королю, или как дачному коттеджу принадлежит весь участок с дорожками, садом, сараями и гамаком...

А сам я — имущество дворика. По-прежнему.

Чистотой наш дворик никогда не отличался. Иное и невозможно, когда в доме два пахучих магазина: гастроном и винный. Причем гастроном пахуч сам по себе, в силу

наличия рыбного отдела, который то и дело норовит оставить бочечку-другую-третью с рассолом во дворе или выплеснуть наружу какую-нибудь пакость. А винный... О, винный – это целая песня. Отстояв очередь, страждущие искали место для уединения и чаще всего находили тенистый уголок во дворе. Там и кучковались. Но особенно настырные лезли в подъезд, надирались до невнятного блеяния, а то и укладывались на ночевку. Они бескорыстно оставляли нам следы своего пребывания: кучки, лужи, содержимое своих желудков. Напротив нас жил вечный завсегдатай винного мелкий

уголовник Володя Порутин. Этот во хмелю бывал буен, ловил Белую Горячку за локотки, словно девицу красную, хрипел, ревел, топотал, а разок попытался разнести нашу дверь топором...

Нет, не люблю я Веню Ерофеева. Увольте.

К винному прилагался приемный пункт стеклотары, то бишь неровно сбитый барак, где водились очереди поувесистее незамысловатых водочных.

Не сказать, чтобы дворик выделялся особенной красотой. Да нет, двор как двор, половина Москвы состояла из таких. Неровный, весь в буграх и промоинах асфальт,

разломанный бордюрик, помойные контейнеры с целой армией голубей сверху, снизу, повсюду... Редкие – тогда еще редкие – автомобили. Песочница. Две зеленых скамейки с загнутой назад спинкой, грязные зимой и летом, – на них решались присесть, только если находилась подстилка. Убийственно скрипучие сварные качели. Местные добры молодцы любили показать свою силу именно на качелях: оторвать сидение, узлом завязать металлические стержни... Не перевелись же еще богатыри без страха и упрека! С двух сторон двор был огорожен бетонным забором. За забором проходила заводская

железнодорожная ветка, тянувшаяся в силикатные джунгли столичной промышленности. Рядом с нею издавало негромкое, но постоянное гудение какое-то закрытое предприятие, как потом выяснилось, — типография. Разумеется, добрые люди проделали в бетонном заборе дыру, и все попытки залатать ее народная мудрость совершенно отвергала. С третьей стороны высился наш дом, бесхитростная пятиэтажная хрущоба о двух подвалах и трех подъездах.

Ощущение неустройства сглаживали деревья. Весь двор был довольно густо засажен тополями, липами, были там и ясени. Впрочем,

я, мегаполисный житель, знать не знал, где там ясень, а где тополь, меня это вообще не интересовало. Кусты и траву я называл кустами и травой, нимало не смущаясь различиями их внешнего вида. До уроков биологии я не ведал имен растений, даже самых распространенных, да и там бы не запомнил их, если бы мать, сама преподаватель биологии, с редким упорством не вбивала мне в голову судьбоносные отличия сурепки от пастушьей сумки... Ближнюю к выезду и среднюю часть двора изрядно вытоптали, но на задах бетонный забор образовывал подобие кармана, довольно

обширного, и там сохранился настоящий маленький лесок. Малышня обожала забираться в самые дебри и там играть. В летние месяцы двор выглядел живописно и умиротворенно, листва шумела над головами, зелень закрывала соседние дома. Старушки выводили своих тявок на многочасовые прогулки и досаждали детской банде придирадками и речениями о вреде всего. Высоко над землей гнездились вороны и голуби. Наверное, там обитали и воробьи, но их гнездышек снизу не различил бы, наверное, ни Чингачгук, ни Соколиный глаз. Голуби вели себя тихо, а вороны – нагло. Рано утром самая

громогласная ворона начинала
перекличку.

– Ка-а-арр?

Молчание.

– Ка-а-а-а-аррр?!

Молчание.

– Каа-а-а-а-а-арррррр!!

И в конце ее вопля слышался
еще обиженный клекот. Его
никакими буквами изобразить
невозможно, поскольку человеческое
горло этот вороний звук не способно
воспроизвести.

– Кар-кар! – бодро отвечали ей.

– Кар-кар! – пробуждалась

очередная мерзавка.

– Карр-карррр! – подавал голос

серьезный мужчина.

— Каракакаракара! —
вмешивалась какая-то затейница...

Далее в течение пятнадцати минут карканье плескалось над землей неудержимым потоком. Наконец, финальное:

— Карrrrrrrr? — мол, все прочистили глотку? все на посту?

— Кар. — кто-то вяло ставил точку.

Все. Перекличка окончена. Дальше весь дворовый экипаж каркал в конвенционных пределах до самого вечера.

То ли дело голуби! Тихонько кружили по асфальту в любовных танцах, мурлыкали друг другу бургерские шлягеры в полголоса...

Словом, не высовывались.

По соседству с нашим двориком громоздилась череда ржавых гаражей. За ними скрывался пустырек, заросший высокой травой и с неизменными качелями посередине. Вообще, Москва строилась привольно и никогда не знала слов «не хватает места», ибо места всегда хватало. Леса, луга, деревушки, реки и приречные грязи пронизывались дорогами, а большое начальство потом «обсаживало» эти дороги жилыми районами. Междорожья подолгу пустовали. Десятилетиями. Чуть ли не веками. Здесь никогда не экономили пространство, его в любое время

можно было отрезать от пустошей, как отрезают маленький кусочек от огромного семейного пирога. Да и теперь еще кое-что осталось – на окраинах... Хорошевка – не центр, но и не примкадные дებреня. Ее в 40-х годах обстраивали «трофейными» двухэтажными домиками пленные немцы. От тех домов почти ничего не осталось, разве что ресторан у станции метро «Беговая», несколько раз менявший название. В 50—60-х здесь понаставили хрущовок, да брежневов самого простого разбора и во множестве расселили военных. Я помню 70-е. Тогда это была полуосвоенная земля, и наш зеленый пустырек не мог претендовать на

роль какого-то исключения. «Белых пятен», а вернее пятен зеленых, песчаных, глинистых, там оставалось еще достаточно.

За пустырьком начиналось геометрически правильное царство военных: Таманская дивизия, редакция журнала «Советский воин», городок для офицерских семей. Там, в военном городке, дворы были чище и благоустроеннее нашего. Зелень, тишь, низенькие ограды у газонов, памятник неизвестным оленям или еще какое-нибудь скульптурное баловство в середине каждого из них. Потом, когда я сам служил, задним числом додумался: какая немереная сила по части наведения порядка и

мусороуборочных работ —
безответный солдатик! По
сравнению с военными дворами наш
был дик и непричесан. Как грязный
бродяга рядом с ухоженным
семьянином. Но мне до того и дела
было мало, я не задумывался, что тут
к чему и почему. Какое диво
досталось, к такому сердцу и
приросло.

Что ж мы делали тогда? После
уроков? Да маялись дурью на всю
катушку, но казалось, будто
занимаемся значительными делами.
Играли в банку или, иначе, вальта —
беспородную версию городков.
Зимой ставили снежные форты и
бились до разбивания кому-нибудь

морды ледяной глыбкой, слегка облепленной для порядку снегом. Катались на досках с ледяной горки, сажая в юные задницы дюймовые занозы. Плавил свинец. О, двордовая металлургия пользовалась в нашем кругу большой популярностью. Где мы отыскивали какие-то, прости Господи, до сих пор не пойму, потрошенные аккумуляторы? А не помню. Вытаскивали оттуда свинцовые сеточки, отбивали о камень мусор, шлак, а потом разводили костерок и над ним ставили консервную банку, накормленную комом из смятых сеточек. Серые некрасивые шмотья понемногу превращались в

соблазнительно поблескивающую жидкую массу. Ее разливали по квадратным формочкам на крышке канализационного люка. Полученные толстенькие квадратики ни на что не годились, но получили у нас хождение в качестве твердой дворовой валюты. Впоследствии, разумеется, мы от простых форм отошли и стали делать нечто поинтереснее. Например, приятно ложившиеся в ладонь стержни, заостренные с одной или двух сторон. Такой свинчаткой запросто можно было раскроить кому-нибудь череп, и осознание этого грело детские сердца. Очень грело.

Что такое поджига, мы не знали.

Говорят, сразу за МКАД начиналась держава людей просвещенных, и там подобную пакость мог изготовить каждый шкет. Будто бы. Мы же в лучшем случае доходили до самострелов с прищепочным механизмом и стрелами с пятисантиметровым гвоздем вместо наконечника.

Конечно, в 70-х я был мальчишкой, мальком, шпингалетиной. Но уже тогда чувствовал: мне во всем этом не хватает... не хватает... уж и не знаю, чего. Смысла, вероятно. Или красоты. Тогда я мог уловить недостаточность бытия лишь на подсознательном уровне и

совершенно не способен был выразить ее в словах. Нет какой-то очень важной составляющей, а какой и где ее искать – бог весть. В шесть или семь лет я понял, что когда-нибудь умру. Ради чего я умру, почему жизнь мою стоит считать ценной? Откуда взяться в ней ценности, если все прозрачно, и ничего высокого не видно?

И я принялся отыскивать смысл и ценность в иных временах. Прежде всего, в старинных войнах. К книгам меня приохотила мать, она ловко подсунула мне именно то, в чем я нуждался: томик из собрания сочинений Стивенсона с романами «Остров сокровищ» и «Черная

стрела». А потом «Белый отряд» Конан Дойла. С тех пор я болею треуголками, шпагами, плюмажами, средневековым рыцарством. *Тамя* почувствовал высоту. Да еще в наших русских дружинах, насколько в возрасте семи или восьми лет можно увидеть смысл их героической борьбы на примере фильма «Александр Невский».

В старине содержалось нечто, впоследствии утраченное и очень мне необходимое.

Видимо, то же самое подсознательно улавливали многие. Не было в 70-х никаких ролевых игр. Даже в зародыше. Но луки, пластиковые мечи и фанерные щиты

с древними гербами уже существовали. И, когда верховодил кто-нибудь поначитаннее, на нашем пустырьке за гаражами разыгрывалась пышная батальная драма. Например, «Римская империя». Или «Средневековье». Звучали сладкие слова «консул», «претор», «лумарий», «граф, „герцог“, „шевалье“. Разок были даже „оберсты“ со „штурмбаннфюрерами“. Узнал бы кто, и сделали бы из школьной пионерской организации мешочек с сухофруктами... Не знаю, откуда это взялось: то ли фильм „Семнадцать мгновений весны“ разделил немцев на красивых костюмных героев и

бесноватых уродов, которые ранили моего деда на фронте, то ли кто-то из парней прочитал нечто далекое от учебника. Не знаю. Но было.

На красивую игру тянуло многих. Значит, многие чувствовали недостаточность бытия. Уж больно невнятной оказалась эстетика нашего времени. А если эстетика бледна, значит, стерлась сущность вещей, логика, скрепляющая мир...

Когда ты обрезком ржавой водопроводной трубы (она же викингская булава) мнешь графскую корону из жести, косо прибитую к чужому щиту, ты, конечно, находишься в лопуховых зарослях недалеко от дома, но... в другой

цивилизации. И там тебе лучше.

Я не хотел уходить туда. Наверное, никто из нас не хотел уходить туда. Мы не были эскапистами. Напротив, в голове крепко засело: надо нечто изменить в здесь-и-сейчас; у нас, в Москве, должны появиться треуголки, рыцарство, дружины, плюмажи и какой-то неформулируемый устами ребенка дух, сопутствующий всей этой бижутерии. Взрослые люди продолжают свои детские игры, но всерьез. 90-х отдалили меня от моей мечты, но зато подсказать формулировку. Будет крест, будет и рыцарь...

Есть за что драться.

Моя Москва – маленькая, а не величавая, не историческая. Моя Москва – тополя, голуби, скрипучие качели, пустырьки, заборы с дырками, гаражи, скудные рощицы на задворках. Высокую красоту Города я открыл для себя только в зрелом возрасте. Переменилось время, переменялась и моя жизнь. Лет в тридцать, может быть, я начал понимать, что есть в Городе нечто, помимо кубических монолитов власти, опошленного Кремля и моего дворика, размноженного в тысячах вариаций. Только тогда я дорос до Москвы во всем ее великолепии,

славе и силе. Но дворик... ах, дворик. Он укоренен во мне глубже всего, прочнее всего. Когда буду отдавать Богу душу, наверное, вспомню его.

Что ж я такое в самой основе? Заглядываешь внутрь и видишь там стопку старых фотографий. У СССР приглушенные цвета. Кора тополя по гамме больше всего подходит для 60-х – 80-х... Страна, кажется, состояла тогда из мириадом неустроенных, но уютных осколков. Она еще не разбилась, но уже покрыта была меленькой сетью трещин. Именно трещины задавали эстетику повседневности. Никакого единства. Колоссальная выставка мелочей, фрагментов, эпизодов, ограниченных

пространств, деталей, миниатюр – то пугающих, то милых. Вот и я сам, вроде пригоршни безделушек. Дитя баковского халупника, туапсинского плаца, хорошевского дворика... и «Острова сокровищ» к ним в придачу.

Ну и ладно. По нынешним временам – добротная конструкция.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке RoyalLib.ru](#)

[Написать рецензию к книге](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)